

лось как более чем обычное» во Франции XI—XV вв.// *Бессмертный Ю. Л. Демографическое поведение...* С. 11.

⁸⁶ Литературу см.: *Пушкарева Н. Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода*// *Этнографическое обозрение*. 1995. № 3.

⁸⁷ Там же. С. 70—104; *Levin E. Childbirth in Pre-Petrine Russia: Canon Law and Popular Traditions*// *Russia's Women. Accomodation, Resistance, Transformation*. Berkley; Oxford, 1991. P. 44—60; *Listova T. A. Russian Rituals, Customs and Belifs Associated with the Midwife (1850—1930)*// *Russian Traditional Culture. Religion, Gender and Customary Law*. L. 1992. P. 146—159.

Russian family of the X—XVII centuries in the «new» and «traditional» demographic history

The article presents an observation of factors and social values which influenced demographic strategies and marriage traditions of ancient Rus and Moscovites of XVI—XVII. The particular forms of marriage are studied in the context of the whole set of social relations.

The author come to the conclusion that beside the marriages, confirmed by Church, there were also rather widespread unofficial sex relations that served for improving demographic situation.

N. L. Pushkarieva

© 1996 г., ЭО № 3

Л. Н. Ч и ж и к о в а

К ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ РЯЗАНСКОГО КРАЯ

Русский народ, расселенный на обширной территории, при свойственной ему общности самосознания, языка и культуры разделяется на крупные и более мелкие историко-культурные подразделения, сформировавшиеся в результате исторического развития. По особенностям говоров и бытовой культуры населения выделяются севернорусская, среднерусская и южнорусская историко-культурные зоны. Южнорусские черты в культуре и «акающий» диалект свойственны русскому населению обширной территории, простирающейся от бассейна р. Оки до р. Хопра и среднего течения р. Дона. Среднерусская зона в основном расположена в междуречье Оки и Волги. Рязанский край находится в смежных районах среднерусской и южнорусской зон. Сложившиеся здесь особенности этнокультурной ситуации обусловлены длительными и многообразными историческими и социально-экономическими процессами, происходившими на данной территории, и представляют большой интерес с точки зрения историко-сравнительного изучения русской традиционной культуры¹.

Рязанский край расположен в центральной части Русской равнины в бассейне среднего и отчасти нижнего течения р. Оки, в пределах лесной зоны — в заокских районах, лесостепи — к югу от Оки. Рязанские земли относятся к районам сравнительно ранней славянской колонизации. Русские летописи связывают ареал верхней и средней Оки с территорией расселения вятичей. Массовые вторжения славян в приокские земли исследователи относят ко второй половине I — началу II тыс. н. э. По мнению В. В. Седова, в начале VIII в. на верхнюю Оку пришла группа славян с юго-запада, позднее славяне осваивают бассейн средней Оки вплоть до р. Прони. В XI в. вятичи из верхнеокского региона заселили бассейн Москва-реки. В рязанском бассейне р. Оки обнаружены более поздние курганы вятичей (XII—XIII вв.)².

Другой славянский колонизационный поток направлялся с юга — с верхнего Дона. Некоторые исследователи (А. А. Шахматов, А. Л. Монгайт и др.) предполагали,

что в I тыс. н. э. донские славянские племена (носители борщевской культуры на Дону), теснимые тюркоязычными кочевниками, передвигались к северу вверх по Дону и оседали в более спокойных в то время районах бассейна среднего течения Оки³. Северные районы Рязанского региона заселялись кривичами, двигавшимися с северо-запада⁴. В результате массовых вторжений славян в приокские рязанские земли ими было частично ассимилировано, частично вытеснено аборигенное финно-угорское население, оставившее следы в антропологическом облике и в культуре славян, в топонимии и гидронимии рязанских селений, рек, озер и др.

Разнонаправленные славянские колонизационные потоки, смешиваясь в Волго-Окском междуречьи, способствовали созданию постоянного славянского населения, возникновению районов компактных поселений, образованию древних рязанских городов.

Ранее других было освоено славянами междуречье Ока — Проня — Осетр. Этот «треугольник» с компактными славянскими поселениями в XII в. стал ядром Рязанского княжества, выделившегося из состава Черниговских владений. Анализируя инвентарь погребений Старой Рязани, археологи пришли к выводу, что столичный город Рязанского княжества стал в XII в. центром притяжения пришлого населения из Киевского и Черниговского княжеств⁵. В сферу обширных владений Рязанского княжества в результате внутренних миграций населения попали местности в верховьях Оки на западе, бассейн р. Цны на востоке, бассейны верховий Дона и Воронежа на юге.

Актовые материалы XIV—XV вв. свидетельствуют об интенсивном заселении Рязанского края разными группами населения, поощряемыми льготами, которые предоставлялись боярами, князьями, монастырями⁶. Многие переселенцы были выходцами из более северных городов и уездов⁷. М. Н. Тихомиров, исследовавший «Список русских городов дальних и ближних» (конец XIV в.), отмечал, что в «Списке» значится 30 рязанских городов. Некоторые из них уже не существовали в XV—XVI вв., по-видимому, они были тогда небольшими укреплениями⁸.

Новые селения возникали на ранее освоенных и неосвоенных землях, выходили на юг за Оку в районы, опустошенные золотоордынскими нашествиями. Несмотря на опасность татарских набегов, рязанские поселенцы спускались по Дону, оседали по его притокам: Воронежу, Вороне, Битюгу и др. Б. В. Горбунов, изучавший материалы о рязанских казаках, отмечает, что еще в середине XIV в. рязанские сторожевые посты и караулы устанавливались по Хопру, Воронежу и Савале, а с принятием московским правительством в 1571 г. Устава о сторожевой и станичной службе рязанские служилые люди из Шацка, Ряжска, Данкова, Кадома, Темникова, Мещеры охраняли рязанскую «украину» на огромном пространстве от бассейна рек Суры до Вороны, Дона и Оскола⁹.

Образование Российского государства, организация оборонительной службы по южной границе, строительство укрепленных линий, сложный комплекс политических и социально-экономических факторов — все это способствовало активному процессу миграции населения из центральных районов в южнорусскую лесостепь. При этом заселение рязанских окраин происходило быстрее, чем других более южных лесостепных пространств так называемого «дикого поля»¹⁰.

XVI—XVII века были важным этапом в заселении южной окраины Русской земли. Именно в это время наблюдается систематическое поступательное смещение населения к югу, происходит заселение обширных пространств лесостепи южнее Оки, несмотря на то, что они еще подвергались нашествиям Крымского ханства.

Освоение и заселение южных земель производилось в результате вольной, правительственной, монастырской и помещичьей колонизации. В 1640-е годы усиливаются переселения служилых людей и крестьян в бассейн Дона из более северных районов и прежде всего из Рязанской земли. Водная система верховий Дона и его притоков издавна способствовала продолжительным этническим связям населения среднего течения Оки и воронежского Подонья. В исторических документах о заселении будущих Тамбовской, Воронежской, восточной части Курской губерний чаще других отмечаются переселенцы из рязанских (Рязань,

Пронск, Рязжк, Данков, Шацк, Сапожок и др.) и тульских городов и уездов¹¹. Этнический состав этих переселенцев из приокских районов был сложным. Он являлся результатом взаимодействий раннего славянского населения, впитавшего древний финно-угорский субстрат, с более поздними русскими мигрантами, среди которых было немало выходцев из московских и западных уездов.

В заселении северных заокских районов Рязанского края (так называемая Мещерская сторона) более активное участие принимали выходцы из московских, владимирских и других среднерусских уездов¹². Вместе с тем во время нашествия на рязанскую землю татар в Мещерский край бежали и жители южных лесостепных районов.

В результате длительных и сложных консолидационных и ассимиляционных процессов среди местных и пришлых славянских групп населения, приносивших в край разнородные бытовые традиции, в тех или иных районах края формировались специфические региональные черты культуры.

Исторические процессы формирования населения Рязанского края в значительной степени обусловили важнейшие особенности его традиционно-бытовой культуры.

Этнические связи населения южной России, преимущественно ее восточных районов, расположенных в бассейне среднего течения Оки, верхнего и среднего течения Дона, нашли отражение в более поздних этнографических материалах XIX — начала XX в.

Для большей части населения среднего течения Оки, как и Воронежского Подонья (по левобережью Дона) — в пределах современных Рязанской (без северных левобережных районов), Тамбовской, Липецкой, Воронежской (без западных районов), Пензенской (без восточных районов) характерна восточная или рязанская группа говоров южнорусского наречия. Северная граница этих говоров проходит через Подольск и Коломну, идет северо-восточнее Рязани, через Спасск, севернее Шацка. К северу от этой границы отмечена полоса среднерусских говоров, которые на самом севере Рязанщины по линии Егорьевск — к северу от Касимова сменяются так называемой владими́ро-поволжской группой говоров севернорусского наречия¹³.

По данным антропологии, у населения Рязанской (как и Пензенской) областей зарегистрирован дон-сурский антропологический тип, сходный с дон-хоперским антропологическим типом, свойственным населению значительной части Воронежской, Тамбовской, Липецкой областей по левобережью Дона¹⁴.

Так как в небольшой статье нет возможности проанализировать все компоненты традиционной культуры, в качестве экспериментального материала рассматриваются одежда, жилище и свадебные обряды. В формировании типов жилища и одежды нашла наиболее яркое отражение этническая специфика населения Рязанского края, обусловленная историей его заселения.

В ж и л и щ е, с одной стороны, сохраняются древние традиции, порою восходящие к ранним историческим эпохам, с другой — оно подвержено изменениям, определяемым влиянием природных и социально-экономических условий жизни.

В середине XIX в. на территории Рязанской губернии бытовало два типа жилища — южнорусский и среднерусский. Для южнорусского типа, распространенного в южных черноземных губерниях, характерен срубный дом без подклета, поставленный параллельно улице под четырехскатной соломенной крышей, открытый двор с замкнутым или свободным расположением хозяйственных построек; специфичная южнорусская планировка избы (хаты) восточного и западного варианта. Для среднерусского типа жилища, характерного для Верхнего и Среднего Поволжья, Московской губернии, типичен срубный дом на среднем или низком подклете (общая высота среднерусской избы значительно выше южных построек); дом поставлен перпендикулярно улице, крыша двухскатная, крытый двор, план избы среднерусский.

На территории Рязанского края, по мнению Н. П. Милонова, северная граница южнорусского жилища начиналась южнее Коломны, шла по Оке то южнее, то

севернее ее течения, а затем по реке Паре до Можар¹⁵. По предположению В. Г. Руделева, эта граница совпадала с политической границей Рязанского княжества, а также с некоторыми основными лингвистическими изоглоссами, определявшими распространение фонетических и морфологических явлений южнорусского наречия¹⁶. Изучая карты атласа «Русские»¹⁷, можно убедиться, что в отдельных районах края в XIX в. бытовали оба типа жилища, четкую границу провести трудно и поэтому правильнее говорить лишь о преобладании того или иного из них. Южнорусский тип жилища превалировал в южных районах края, а среднерусский тип — в северных левобережных районах бассейна Оки.

В Рязанской губернии, как и во многих других районах, происходили изменения традиционных форм жилища — один тип жилища иногда сменялся другим. Н. И. Лебедева, изучая жилище южных уездов Рязанской губернии, отмечала, что в Сапожковском уезде в однодворческих селах бытовало жилище древнего, по ее мнению, южнорусского типа, а во всех остальных селах отмечалось жилище среднерусского типа, при этом на памяти старожилов наблюдалась быстрая смена среднерусских построек южнорусскими. Причиной тому были: исчезновение лесов, наступление степи, влияние отхожих промыслов и, возможно, однодворческой культуры¹⁸. В более северных Приокских районах ученые наблюдали обратный процесс — вытеснение южнорусского типа среднерусским¹⁹.

Одним из существенных признаков жилища была внутренняя планировка основного жилого помещения — избы (или хаты). Она наиболее стойко сохраняла этническую специфику и тесно связана с историей формирования отдельных этнических групп.

В зависимости от положения печи и переднего угла, а также от направления устья печи в восточнославянском жилище выделяются четыре типа внутреннего плана избы (хаты); в XIX — начале XX в. они имели определенные ареалы: северно-среднерусский, восточный южнорусский, западный южнорусский и украинско-белорусский или западнорусский. Зоны типов внутренней планировки в основном совпадали с территорией расселения отдельных народов или их этнографических групп. В то же время границы распространения этих типов нередко были шире, что объясняется более поздними миграциями населения.

В Рязанском крае в XIX в. бытовали все четыре типа внутреннего плана избы. Более широко был распространен восточный южнорусский план, преимущественно в южных районах края. При восточном варианте устье печи, расположенной в дальнем от входа углу, повернуто к входу, «святой» угол находится рядом с дверью. Этот план избы помимо Рязанской бытовал в XIX в. на большей части Воронежской и Тамбовской губерний, во многих районах Пензенской, в восточных уездах Тульской, в Елецком уезде Орловской губернии, т. е. в восточной части южнорусской черноземной зоны²⁰. В Данковском, Скопинском, Пронском уездах встречался также и западный южнорусский план²¹. При том же положении печи и переднего угла устье печи в западном плане было направлено к передним окнам. Западный южнорусский план избы бытовал в западной части южнорусской зоны: в большей части Курской и Орловской губерний, в южных уездах Калужской, в юго-западных уездах Тульской губернии. В некоторых южных уездах — Сапожковском, Пронском, Ряжском — восточный южнорусский план бытовал вместе со среднерусским планом, характерным в XIX в. для центральных нечерноземных и северных губерний России. Здесь в доме, поставленном перпендикулярно к улице, устье русской печи, расположенной в углу рядом с входом, повернуто к передней стене; по диагонали от печи — «святой угол». На территории Рязанского края среднерусский план избы преобладал в северных заокских районах, хотя и там во многих местах встречался восточный южнорусский план²².

Время распространения в Рязанском крае отмеченных типов внутреннего плана избы установить трудно. По данным археологических исследований, более древней, по-видимому, следует считать южнорусскую планировку. Она была известна здесь, как и во многих других южнорусских районах, еще во времена Древней Руси. В памятниках борщевской культуры на Дону, южнее Воронежа, а

также на р. Ворскле и Псел, датируемых IX—X вв., выявлена схема плана, близкая к более позднему восточному южнорусскому плану²³. В древних жилищах Старой Рязани, датируемых XI—XIII вв., также обнаружены черты позднейшей традиционной восточной южнорусской планировки (положение печи в заднем от входа углу с устьем, повернутым к входу)²⁴. В то же время в древних жилищах Пронска, датируемых XII—XIV вв., печь стояла в углу рядом с входом и повернута устьем к входу (планировку с таким положением печи впоследствии будут называть «украинско-белорусской»). Жилища с подобной планировкой появляются в XI—XII вв. в западных районах Руси (на будущей территории Украины и Белоруссии)²⁵. В XIX в. западный план в Пронском уезде не обнаружен. Но позднее украинско-белорусский план появляется в некоторых районах Рязанщины. По моим сведениям, в соседней Тамбовщине в начале XX в. украинско-белорусский план постепенно вытесняет южнорусский, что, по-видимому, связано с удобством украинско-белорусской планировки, с более рациональным использованием небольшой площади избы, а также, возможно, и с влиянием более поздних переселенцев из западных районов России.

Что касается среднерусской планировки избы, то бытование ее в северных районах Рязанского края объясняется древними связями этих районов с Москвой и Ростово-Суздальской землей. Для последних издавна был характерен среднерусский тип жилища. Проникновение среднерусского плана жилища в южные районы, а южнорусской планировки в северную Мещерскую сторону объясняется внутренними миграциями населения.

Ценным историческим источником может служить одежда. В изучении народной одежды неоценим вклад Н. И. Лебедевой. Характерное для Рязанской области типологическое разнообразие русской женской одежды Н. И. Лебедева справедливо связывала с историей края, с различными этническими и социальными группами населения (однодворцы, государственные, помещичьи, монастырские крестьяне).

Во второй половине XIX в. на территории Рязанской губернии бытовали все основные комплексы русской женской одежды, выделенные этнографами: с поневой, с сарафаном, с домотканой юбкой и более поздний — с юбкой городского покрова. Эти комплексы одежды формировались в разное время, имели свои ареалы бытования, отражая зависимость костюма от этнокультурных процессов. В традиционной женской одежде Рязанского края преобладали компоненты южнорусского костюма, хотя отмечены и особенности, характерные для одежды более северных, центральных и отчасти западных районов России.

Наиболее распространенным и древним на территории Рязанского края был комплекс одежды с *поневою* (понева — поясная одежда из домотканой шерсти), характерный для южнорусских губерний. По мнению Н. И. Лебедевой, этот комплекс был ведущим в бассейне Оки еще в домонгольский период²⁶.

В Рязанской губернии известны разные типы поневы. К югу от Оки была распространена глухая понева (т. е. ее полотнища полностью сшиты между собой) из тонкой шерстяной ткани, вытканной на двух подножках. Преобладала темно-синяя расцветка, узор клетчатый. Клетчатая понева, синяя или черная, из легкой шерстяной ткани глухая или распашная (т. е. ее полотнища не полностью сшиты друг с другом), имела широкий ареал бытования, охватывающий почти все южнорусские губернии в бассейне Оки и Дона²⁷. По мнению Н. И. Лебедевой, область распространения синей клетчатой поневы совпадала с территорией бытования вятчских курганных древностей. Отсюда позднее этот тип поневы распространился на юг и восток вместе с колонизацией южновеликорусов²⁸.

Происхождение красной или черной поневы в клетку, носимой с черными нагрудниками, и плащевидной одеждой — «кодманом», известными на юге Рязанщины в верховьях Дона, Н. И. Лебедева связывала со славянским населением Подонья²⁹.

На севере Рязанской губернии, в Мещерском крае, бытовала своеобразная глухая и распашная понева, сшитая из толстой двойной ткани (сверху шерстяной, снизу холщевой) сложной техники тканья на двух или четырех подножках с

бральницами. По характеру выработки ткани Б. А. Куфтин выделяет несколько подтипов мешерской поневы³⁰. Этот тип поневы, мало распространенный в других русских районах, по-видимому, является местной особенностью. Появление этой поневы в Мещерской стороне Б. А. Куфтин относит к «древним эпохам славянской колонизации». Изоляция в глухих местах позволила сохранить древние самобытные черты культуры. Бытование в некоторых местах водораздела Угры и Болвы синей тяжелой поневы свидетельствует, по мнению Б. А. Куфтина, о древних этнокультурных связях населения Калужского Полесья с Мещерским краем. О западных влияниях говорят и сходные черты в характере выработки ткани мешерских понев с тканьем латышских юбок³¹.

Женщины в Рязанской губернии носили с поневой рубаху с косыми поликами (т. е. плечевыми вставками трапециевидной формы). Тип рубахи с косыми поликами был характерен для многих южнорусских губерний³². По мнению этнографов, область бытования рубахи с косыми поликами, как и поневы, совпадает с областью расселения вятичей и с путями продвижения великорусов на юг в XVI—XVII вв.³³

Исследователи отмечают в Рязанской губернии два подтипа рубахи с косыми поликами. Наиболее древним и широко распространенным был тот, в котором вставки в форме трапеции сравнительно крупного размера (60 × 33 × 26 см) были на плечах в разрезах полотнищ или между полотнищами, глубоко вклиниваясь острыми углами в стан на груди и спине; суживающиеся к запястью рукава пришивались к полотнищу. Этот покрой рубахи бытовал в Касимовском, Спас-Клепиковском, Спасском, Рязанском, Скопинском, Михайловском, Шацком, Рязанбургском, Данковском, Рязском, Пронском, Сапожковском уездах Рязанской губернии³⁴. За пределами Рязанской губернии рубахи этого подтипа особенно широко были распространены в Тамбовской и Тульской губерниях, встречались в Пензенской и Саратовской губерниях³⁵. Это, по-видимому, одно из свидетельств наличия древних связей населения Рязанщины с восточными районами южнорусского региона.

На северо-западе Рязанской губернии носили рубаху с косыми поликами, которые врезались в стан неглубоко, размер полика был меньше (чем в предыдущем подтипе), рукав пришивался непосредственно к полику³⁶. Подобный покрой рубахи бытовал также у одноборцев в Воронежской губернии по правому берегу Дона вплоть до р. Потудань. Общность в покрое рубахи в этих удаленных друг от друга ареалах восточной части южнорусского региона может объясняться как более древними этническими связями населения Воронежской земли и Рязанского княжества, так и более поздними традициями, сложившимися в результате заселения воронежской территории русскими служилыми людьми, среди которых было немало выходцев из Рязанщины³⁷.

С областью распространения поневы и рубахи с косыми поликами совпадает область бытования сложного кичкообразного головного убора. Основными составными частями его были: *кичка* («волосник») с твердой основой надевалась непосредственно на волосы; *сорока* покрывала кичку, шилась обычно из холста, часто покрытого кумачом, украшалась по очелью; *позатыльник* из длинных бисерных поднизей, спускавшихся на плечи и спину; *налобник* — полоса ткани с завязками, украшенный край его выпускали на лоб из-под сороки. Этот головной убор дополняли мелкие детали, выполнявшие роль украшений: шарики из гусяного пуха, разноцветного гаруса, бисерные подвески, птичьи перья, шнуры, кисти, ленты из разноцветного шелка и гаруса и др.

На Рязанщине наблюдались разные варианты кичек. Особенно интересны древние формы рогатых кичек, имеющие твердую основу в форме подковы или четырехугольника, заканчивающиеся рогами, торчащими кверху³⁸. Рогатые головные уборы имели древние корни в местной славянской среде. По данным археологических раскопок, в XIII в. рогатые кички носили зажиточные горожанки в Старой Рязани³⁹. В XIX-начале XX в. эти головные уборы чаще встречались в одежде населения южнорусских областей Окского и Донского бассейнов⁴⁰.

Древней формой одежды, связанной с южнорусской народной средой, были и такие компоненты поневного комплекса, как туникообразный передник с рукавами или без рукавов, высокий передник на лямках или шнурках («запан», «занавеска»), туникообразный нагрудник глухой или распашной («шушпан», «шушун», «навершник», «носов», «желтик» и др.). Туникообразные нагрудники особенно широко были распространены в Рязанской, Тамбовской, Тульской, Калужской областях, т. е. в бассейне Оки и верхнего Дона⁴¹. Характерны были для южнорусского традиционного костюма и свойственные рязанскому поневному комплексу украшения из бисера, разноцветного гаруса, из птичьих перьев и пуха, а также своеобразная яркая цветовая гамма.

В XIX — начале XX в. во многих районах Рязанской губернии бытовал комплекс одежды с *сарафаном*, но почти нигде он не был преобладающим. Здесь были известны сарафаны разных типов: «косоклинные» (в них прямые полотнища спереди и сзади соединялись между собой боковыми косыми или прямыми клиньями); «прямые» (или «круглые»), сшитые из нескольких прямых полотнищ, присборенных на поясе⁴².

Комплекс одежды с сарафаном, характерный первоначально для северных и центральных губерний России, позднее, с расширением территории Российского государства, распространяется во многих южных и восточных районах расселения русских и становится общерусским костюмом. В Рязанской губернии сарафан появился, по-видимому, в результате стихийной крестьянской колонизации, а также вместе с переселениями русских служилых людей в XVI—XVII вв. из Московской и других центральных губерний. Этот комплекс одежды был сравнительно поздним для Рязанской губернии.

С сарафанным комплексом был связан *кокошник* — нарядный головной убор на твердой основе. Кокошник шили из парчи, позумента, бархата. На нижнюю подкладку шел холст, сатин, ситец, твердую основу делали из картона или холста, проклеенного тестом. В Данковском и Раненбургском уездах бытовал своеобразный тип кокошника в форме цилиндрической шапки с сильно скошенной покатою задней частью⁴³. Этот тип кокошника был распространен также у однодворцев Воронежской и Тамбовской губерний в бассейне Дона⁴⁴. Вероятно, кокошник (как и сарафан) появился на Рязанщине также в результате колонизации служилых людей и других групп населения в XVI—XVII вв. Здесь он мог видоизмениться под влиянием местных кичкообразных головных уборов. Его носили не только с сарафаном, но и с поневою и с полосатой юбкой.

Комплекс костюма с полосатой юбкой и рубахой с отложным воротником, с прямыми поликами, пришитыми по утку, по-видимому, был занесен в край служилыми людьми в XVI—XVII вв. из западных районов России. В Рязанской губернии полосатая юбка бытовала в некоторых однодворческих селах южных уездов, преимущественно в Сапожковском уезде⁴⁵.

Значительный интерес, с точки зрения сравнительного анализа этнокультурных традиций, представляют с в а д е б н ы е о б р ы д ы. Как известно, свадебная обрядность — один из наиболее устойчивых компонентов народной культуры. В ней просматриваются пережитки архических форм обычаев, верований, семейно-брачных отношений, формировавшихся в различные исторические эпохи. Русскому свадебному обряду свойственна общность его основополагающих признаков. Вместе с тем в разных регионах России он отличался многообразием локальных вариантов. Они были связаны с древней этнической историей населения, возникали в результате народного творчества и со временем становились местной культурной традицией. В процессе исторического развития в русской свадьбе формировались и более значительные отличия регионального уровня, и локальные варьирования, наблюдаемые в микрорайонах. В необычайно сложном комплексе русской свадьбы, распадающемся на многочисленные обрядовые действия, значительно труднее выделить регионально-типологические особенности, чем в выше рассмотренных — жилище и одежде.

Остановлюсь лишь на некоторых компонентах свадебных обрядов, быто-

вавших на территории Рязанского края в XIX — начале XX в. Основа рязанской свадьбы была общерусской, вернее общевосточнославянской, в то же время в структуре свадебного ритуала, в его отдельных актах, в эмоциональном настрое обрядов, в материальных атрибутах свадьбы выявляются региональные черты, свойственные свадебным обрядам среднерусских либо южнорусских районов.

Свадьба в Рязанском крае, как и повсюду у восточных славян, слагалась из нескольких основных компонентов. Предсвадебный цикл обрядов начинался со «сватовства». Затем в доме невесты устраивали «запой» («пропой»), в некоторых селах Зарайского и Рязанского уездов аналогичный вечер называли «сговором», «ладами», «рукобьем». На запое собиралась ближайшая родня жениха и невесты, решались хозяйственные и организационные вопросы, связанные с заключением брака, совершались обряды «свода» жениха и невесты, ритуальные угощения, одаривания и др. Подобные вечера, выполнявшие роль помолвки, также под названием «запой» («пропой», «сговора», «рукобья» и др.) были характерны и для многих других южных и более северных губерний — Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Калужской, Верхнего и Среднего Поволжья и др.⁴⁶ Почти повсюду в Рязанской губернии бытовал обычай — денежный взнос родни жениха на свадебные расходы родственникам невесты («кладка» — Михайловский уезд, «вывод» — Зарайский уезд).

В некоторых рязанских селениях сохранялся вплоть до начала XX в. старинный обычай: по окончании запоя (или сговора) и до свадьбы жених приходил к невесте на ночь, отношения между ними должны были оставаться целомудренными⁴⁷. Подобное предсвадебное общение жениха и невесты было издавна распространено на Украине и встречалось кое-где в южнорусских районах⁴⁸. И, наоборот, в других рязанских селах, судя по сообщениям корреспондентов из Пронского уезда, после рукобья жених не встречался с невестой до самой свадьбы⁴⁹.

Обряды предсвадебного периода в большинстве рязанских сел имели эмоционально печальный колорит, что было более свойственно северно-среднерусской традиции. Сама невеста после просватанья носила «печальную» одежду. Она не принимала участие в увеселениях молодежи, ей полагалось сидеть дома, готовить приданое с помощью подруг. В некоторых селах невеста не посещала даже церковь.

Предсвадебные обряды были насыщены причитаниями невесты. Она причитала после просватанья, на запое, утром перед свадьбой, обращаясь к родителям, крестным, родственникам, подругам, соседям с просьбой благословить ее и пожалеть. Следует заметить, что в Рязанской губернии, как и во многих селах центральной полосы России, не были распространены коллективные причеты и не было профессиональных плакальщиц, как на Русском Севере. Во многих рязанских селах грустное зрелище представлял «девичник» («вечеруха», «вечорка»). В Пронском уезде невеста сидела в заднем углу в «печальной» одежде: в поневе, шушпане, черном платке, в валенках (иногда в шубе) в любое время года⁵⁰. Девушки расплетали невесте косу, пели грустные песни, невеста «вопила». Накануне свадьбы односельчане специально ходили «слушать голос» невесты⁵¹. В то же время в других селах девичник проходил более жизнерадостно. После грустных песен к невесте приезжал жених с товарищами и родственниками, происходил обмен дарами, взаимными угощениями, вечер заканчивался веселыми песнями и плясками⁵².

Важным обрядовым действием накануне свадьбы была «баня» для невесты. Банный обряд был характерен для Русского Севера, Верхнего и Среднего Поволжья, для Северо-Запада и Центра России, для Пензенской и Тамбовской губерний⁵³. Подруги расплетали невесте косу, хлестали ее веником, подаренным женихом, приговаривая: «бросай девицью волю». Это сопровождалось пением песен, плачем и причитами невесты, а заканчивалось ритуальным угощением⁵⁴. Там, где бань не было, подруги парили невесту в печи. В Михайловском уезде отмечена послебрачная «баня» для молодых. Этот древний обряд, так же как и баня для невесты, имел очистительную символику. Здесь на утро после брачной ночи молодых торжественно вели в баню. Мылись они под треск и грохот ведер, под битье о баню

горшков⁵⁵. В конце XIX — начале XX в. во многих селах «ритуальная баня» уже носила условный характер, сохраняясь лишь в песнях, в приговорах и причетах, в некоторых имитационных действиях.

С южнорусской традицией был связан обряд «с поневой». В рязанских селах, как и в других южнорусских губерниях (Тамбовской, Пензенской, Калужской, Тульской, Орловской), надевание поневы первоначально символизировало совершеннолетие девушки. В старину девушки ходили в одной рубашке с пояском, позднее они стали надевать сарафан или юбку. При достижении девушкой 15—16 лет на нее торжественно надевали поневу, приурочивая этот обряд к какому-либо весеннему церковному празднику. После этого девушка считалась невестой, ее могли сватать⁵⁶. Д. К. Зеленин видел в этом обряде пережитки половозрастной инициации⁵⁷. В конце XIX — начале XX в. ношение девушками поневы до свадьбы не везде соблюдалось, понева чаще считалась признаком замужества. Поэтому обряд надевания поневы стал совершаться в процессе свадебного ритуала: при сватовстве, а чаще на девичнике. По материалам Е. А. Самоделовой, исследовавшей свадебный фольклор Рязанской области, эти разностадийные варианты обряда в XIX — начале XX в. сосуществовали в различных местностях⁵⁸.

Во многих рязанских селах отмечен обряд, связанный с ритуальным деревцем, символизирующим девичество невесты, ее красоту, а также прощание с девичьей свободой. Этнографические параллели этому обряду прослеживались в центральных, южных и западных губерниях России⁵⁹. На Рязанщине ритуальным деревцем чаще была елочка, реже ветви сосны. Елочку украшали подруги невесты на девичнике (иногда на предшествующих молодежных вечеринках) лентами, конфетами, цветами, зажженными свечами. Елка занимала центральное место на столе во время девичника, девушки носили ее по селу, ходили с ней перед свадьбой к жениху, иногда ее возили в церковь, а потом водружали на трубу дома. В день свадьбы или на следующее утро родственники невесты несли наряженную елочку в дом жениха⁶⁰.

Непрерывным атрибутом рязанской свадьбы был обрядовый хлеб. Его изготовление и использование в течение свадьбы сопровождалось специальными обрядами. Функционирование в свадебных обрядах зерна, хлеба характерно для всех земледельческих народов мира. Оно знаменовало пожелание молодым материального благополучия, продолжения рода, прочности брака. Хотя свадебный хлеб был известен на всей территории расселения русских, в отдельных районах наблюдалось его варьирование по нескольким признакам: терминология, внешнее оформление, ритуальное изготовление и использование⁶¹.

В Рязанской губернии обрядовый хлеб чаще фигурировал под названием «курника», «каравая», «круглого пирога», «хлеба». В XIX — начале XX в. курник и пирог чаще пекли из ржаной муки с начинкой из каши, мяса, иногда в него запекали яйцо в скорлупе, начинали курятиной. В селе Рыковая Слобода (близ Рязани) пресный пирог, начиненный кашей, назывался «рассольником»⁶². В селе Шостьи Касимовского уезда были известны «кокурьги» — пшениные пышки с запеченными яйцами, которые приносили молодой ее подруги на второй день свадьбы⁶³. Обрядовый хлеб с начинкой («курник», «круглый хлеб») более широко был распространен в восточных районах Европейской России: в Костромской, Нижегородской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской губерниях, в Среднем Поволжье, а также бытовал в Тверской, Калужской, Курской, Смоленской губерниях⁶⁴.

Свадебный хлеб часто был связан с обрядовым деревцем. Хлеб украшали веточками, цветами, бумажками, лентами, фигурками из теста, нередко в него вставляли ритуальную елочку. В Зарайском уезде в ржаной каравай втыкали лучинки, обернутые разноцветной бумагой, завершались они птичками, выпеченными из пшеничной муки⁶⁵. В фондах РЭМ хранится круглый свадебный пирог из Касимовского уезда, украшенный семью человеческими фигурками из теста, изображающими жениха, трех его друзей и невесту с двумя подругами⁶⁶. Украшение свадебного хлеба веточками, цветами и т. п., мало свойственное севернорусской традиции, было более характерно для южнорусских губерний, бытовало

и в центральных районах. В рязанской свадьбе ритуальный хлеб функционировал почти во всех обрядовых действиях от сватовства до окончания свадьбы.

Если в XIX в. изготовление каравая (курника, пирога) представляло собой архаичный обряд, то в XX в. в рязанских селах сохранились лишь его отдельные элементы. Каравай пекли в доме жениха или невесты. Весь процесс выпечки хлеба — от замеса теста до вынимания его из печи — сопровождался особыми приговорами, просьбами о благословении, песнями, плясками, тоекратными поцелуями дружки и свахи с обменом рюмками и пр.⁶⁷ Эти ритуальные действия, по-видимому, более характерны были для южных и западных русских губерний, а также для Украины и Белоруссии⁶⁸. На русском Севере выпечка свадебных хлебов не сопровождалась особыми обрядами⁶⁹.

На Рязанщине совершались и обрядовые действия с курицей. Курица как древний символ плодородия и обновления жизни часто фигурировала в свадебных обрядах всех восточных славян. Уже в XVI—XVII вв. на свадьбах богатых горожан молодым в опочивальню подавали курицу⁷⁰. У рязанских жителей и в XX в. курица оставалась обязательным ритуальным блюдом молодых перед постельным обрядом. Ритуальной едой на свадьбе считались также яйца и яичница. Обрядовые действия с живой курицей, разукрашенной разноцветными ленточками и тряпочками, известные в Рязанской губернии в XIX—XX в., были более характерны для южнорусских и украинских губерний. Разнаряженную курицу родственники невесты привозили в дом жениха вместе с приданым, дарили ее жениху после венчания. На второй и третий день свадьбы украшенная курица фигурировала в свадебной пляске⁷¹.

На восточнославянской территории в XIX — начале XX в. отмечалась различная последовательность обрядов главного дня свадьбы. Это определялось местом венчания в структуре свадьбы. В рязанской свадьбе акт венчания был органично включен в систему народных свадебных обрядов: свадьба в доме невесты обычно предшествовала венчанию, а свадьба в доме жениха происходила после венчания.

В доме невесты, куда утром прибывал свадебный «поезд жениха», совершались широко известные у русских обряды: встреча представителей сторон в сених (дружек, свахи и пр.) с обменом хлебами или рюмками вина, «выкуп» невесты, «посад» жениха и невесты (в передний угол на шубу или войлок), обед для поезжан, «величание» жениха и его родственников, благословение родителями, прощание невесты с родственниками, иногда выкуп приданого (если его не выкупали заранее).

Сразу после венчания обычно на паперти или в церковной сторожке совершался обряд «повивания» («окручивания») невесты (т. е. заплетание двух кос, надевание женского головного убора, символизирующего переход невесты в половозрастную группу женщин). После венчания новобрачные ехали в дом жениха, где и происходили главные обряды санкционирующего характера: торжественная встреча молодых, их благословение, ритуальное кормление, «постельный обряд», одаривание молодых («сыры», «сырно»), раздача каравая, торжественный свадебный обед («пир», «вечерни», «княжой обед», «гарный обед») и др.⁷² Подобная структура свадьбы (с некоторыми местными вариациями) была более характерна для северных и среднерусских губерний, встречалась и в южнорусских районах, чаще в более восточных — тамбовских, пензенских и др.⁷³

Другой порядок свадебных действий, где венчание не имело строго фиксированной позиции, в XIX — начале XX в. был распространен на Украине, в Белоруссии, во многих южнорусских районах, а также у некоторых групп южных и западных славян. Здесь венчание совершалось до свадьбы (иногда за несколько дней до нее), и только после возвращения жениха и невесты в родительские дома жених снаряжал свадебный поезд за невестой и основные обряды этого дня происходили в доме невесты. Этот вариант свадьбы, вероятно, был более ранней стадией, в нем венчание как сравнительно поздний акт не вошло органично в народный свадебный обряд и, по-видимому, сначала не было решающим для брака⁷⁴. Еще и в XIX в. во многих районах Украины повенчавшиеся, но не справившие «весілля», не считались супругами и не допускались к совместной жизни⁷⁵.

Если структура рязанской свадьбы более сопоставима с северно-среднерус-

ской традицией, то ее отдельные обрядовые реалии, хотя и бытовали во многих русских селях, но все же чаще встречались и были более развиты в южной и средней России. Например: «поиски ярки» (т. е. молодой) ее родственниками на утро после брачной постели, разгульные послесвадебные празднества, пляски ряженных с живой курицей, угощения яичницей и др.

Таким образом, сложная история заселения Рязанского края нашла непосредственное отражение в многообразии форм и типов сложившейся здесь традиционной культуры. Сравнительный анализ различных элементов культуры указывает на древние и более поздние исторические связи населения Рязанщины с южнорусскими и среднерусскими районами. На процесс исторического развития русского населения оказывали влияние южнорусские и среднерусские этнические компоненты, на основе которых происходила этнокультурная консолидация, способствовавшая выработке общерусских черт в культуре с преобладающим южнорусским или среднерусским компонентом, по-разному выраженным в отдельных сферах бытовой культуры. В говорах, в одежде доминировали южнорусские черты, в жилище отмечаются типы, свойственные южнорусским и среднерусским постройкам; в свадебных обрядах при преобладании среднерусских довольно часто наблюдаются и южнорусские реалии. В целом черты культуры, характерные для населения среднерусских районов, сильнее были выражены с северных районах Рязанского края. В отдельных элементах культуры русских проявились древние этнические связи с финно-уграми. (Эта особая проблема не рассматривается в данной статье.)

Этнографические материалы свидетельствуют о пограничном положении края на стыке двух крупных историко-этнографических регионов — южнорусского и среднерусского.

Примечания

¹ Статья посвящена памяти Н. И. Лебедевой (1894—1978 гг.) — видному деятелю русской этнографии. Это дополненный новыми материалами вариант доклада, зачитанного на Российской научной конференции к 100-летию со дня рождения Н. И. Лебедевой, состоявшейся в декабре 1994 г. в Рязани. Статья написана на основе архивных, музейных источников, литературы. Используются и результаты многолетних исследований Н. И. Лебедевой народной культуры Рязанской области.

² *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 143—151.

³ *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915. С. XI; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 85 и др.

⁴ *Седов В. В.* Указ. раб. С. 122.

⁵ *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 44.

⁶ *Любавский М. К.* Образование основной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 4—7.

⁷ *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 390.

⁸ *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 118—123.

⁹ *Горбунов Б. В.* Рязанские казаки в 15—18 вв. // Этнографический вестник. Рязань, 1994. С. 22.

¹⁰ *Зеленин Д. К.* Великорусские говоры с неорганическим и переходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 312.

¹¹ *Германов Г.* Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии // Записки Русского географического общества. 1857. Т. XII. С. 228—266; *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. М., 1894. С. 81; 143, 152, 184; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 163, 302, 303, 410, 413; *Важинский В. М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. (по материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. С. 63—64; *Мизис Ю. А.* Заселение Тамбовского края в XVII—XVIII вв. Тамбов, 1990. С. 45, 48, 51, 85, 86, 88.

¹² *Куфтин Б. А.* Задачи и методы изучения крестьянского жилища Рязанской губернии // Вестник рязанских краеведов. Рязань, 1925. № 2. С. 8—9; *Зеленин Д. К.* Указ. раб. С. 309.

¹³ *Мороховская О. Н. и Сумникова Т. А.* Русский язык и его диалекты // Народы Европейской части СССР. Т. 1. М., 1964. С. 149—152.

¹⁴ Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М., 1965. Карта 24. С. 158—159.

¹⁵ *Милонов Н. П.* Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской области. Рязань, 1950. С. 22.

¹⁶ *Руделев В. Г.* Историко-этнографические данные о жилище Рязанского края // Ученые записки Рязанского гос. пед. ин-та. Т. XVI. 1957. С. 176.

- 17 Русские. Историко-этнографический атлас (середина XIX — начало XX в.) М., 1967. Карта 37.
- 18 *Лебедева Н. И.* Народное жилище южных уездов Рязанской губернии // Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Научный архив (далее — РИАМЗ НА). Д. III — 559. (здесь и далее указаны номер дела и единица хранения — прим. ред.) Книга 15. № 354. С. 41—47.
- 19 *Руделев В. Г.* Указ. раб. С. 184.
- 20 Русские... Карта 26.
- 21 *Руделев В. Г.* Указ. раб. С. 178—179.
- 22 Русские... Карта 26.
- 23 *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Древнерусские поселения на Дону // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1948. С. 14, 72; *Москаленко А. Н., Винников А. З.* Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966. С. 74; *Вознесенская Г. А., Куза А. В., Соловьева Г. Ф.* Раскопки славянских памятников на р. Псел // Археологические открытия. М., 1971. М., 1972. С. 95.
- 24 *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М., 1955. С. 50—60; *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Новые материалы о жилищах Старой Рязани // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 72; *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Указ. раб. С. 145, 179. Табл. 34 — 1, 36 — 1, 59 — 2, 71 — 1.
- 25 *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище // Свод археологических источников. Вып. Е1—32. Л., 1975. С. 138—140.
- 26 *Лебедева Н. И.* Изучение Рязанской области в этнографическом отношении после Октябрьской Революции // Краеведческие записки. Рязань, 1959. С. 125.
- 27 Русские... Карты 44, 45.
- 28 *Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 522.
- 29 *Лебедева Н. И.* Вопросы этнологического изучения южных уездов Рязанской и Тульской губерний (бассейн Дона) // Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929. С. 112—113.
- 30 *Куфтин Б. А.* Материальная культура русской мехеры. М., 1926. С. 52, 53.
- 31 Там же. С. 70, 71, 73, 99.
- 32 Русские... Карта 47.
- 33 *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 611.
- 34 *Лебедева Н. И.* Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Рязань, 1929. С. 29; *Панкова Т. М.* Рязанский традиционный народный костюм // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1992. С. 76, 79, 83, 102, 105; РИАМЗ. Колл. 2250, 2399, 2743, 2787 и др.; Российский этнографический музей (далее — РЭМ). Колл. 200—70, 71, 72 (здесь и далее указаны номер коллекции и единица хранения — прим. ред.); 209 — 79; 438—121—123; 1125 — 129, 132.
- 35 РЭМ. Колл. 150—153, 177 (Богородицкий у. Тульской губ.); 191 — 40, 42 (Новосильский у. Тульской губ.); 2042 — 47, 51 (Епифанский у. Тульской губ.); 628—13 (Кирсановский у. Тамбовской губ.); 6754 — 90 (Тамбовская губ.); 10156 — 7, 9 (Спасский у. Тамбовской губ.).
- 36 *Куфтин Б. А.* Указ. раб. С. 46.
- 37 *Чижикова Л. Н.* Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988. С. 146.
- 38 РЭМ. Колл. 104—106; 1740 — 12 (Скопинский у.); 2350 — 14 (Касимовский у.); 2354 — 2, 3 (Ряжский у.); 2356 — 5 (Сапожковский у.).
- 39 *Даркевич В. П., Фролов В. П.* Старорязанский клад // Древняя русь и славяне. М., 1978. Рис. 8. С. 351.
- 40 Русские... Карта 52.
- 41 Там же. Карта 48.
- 42 РЭМ. Колл. 200 — 64 (Скопинский у.); 438 — 164 (Раненбургский у.); 1125 — 55, 77, 79, 80 (Данковский, Касимовский у.); 10263 — 19, 20 (Ряжский у.).
- 43 РЭМ. Колл. 209 — 9; 438—249, 251; 2349—2, 3 (Данковский у.); 267 — 41 (Раненбургский у.).
- 44 РЭМ. Колл. 342—430, 432 (Лебединский у.); 3433 — Т (Липецкий у.); *Чижикова Л. Н.* Указ. раб. С. 201.
- 45 *Панкова Т. М.* Указ. раб. С. 26.
- 46 *Малыхин П.* Город Нижнедевицк и его уезд. Воронеж, 1861. С. 304—308; *Гагенгорн Н.* Свадьба в Салтыковской вол. Моршанского у. Тамбовской г. // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926; *Мыльникова К., Цинциус В.* Северно-великорусская свадьба // Там же; *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981. С. 78—84; *Чижикова Л. Н.* Свадебная обрядность сельского населения Курской губернии в XIX — начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 174—176.
- 47 *Мансуров А. А.* Описание рукописей этнологического архива общества исследователей Рязанского края. Вып. 1. Рязань, 1928. С. 8. № 7. С. 45. № 98 (Пронский у.).
- 48 *Калиновский Г.* Описание свадебных украинских простонародных обрядов в Малой России и в Слободской Украинской губернии, также и в Великопольских слободах, населенных малороссиянами употребляемых // Харьковский сборник. Харьков, 1889. Вып. 3. С. 166.
- 49 РИАМЗ НА. Д. III — 513. Кн. 9. № 140. Л. 2.
- 50 Там же.
- 51 Там же. Д. III — 519. Кн. 12. № 298.
- 52 Там же. Д. III — 519. Кн. 12. № 285 (Зарайский у.); *Мансуров А. А.* Указ. раб. Вып. 1. Рязань, 1928. С. 45. № 85; Вып. 2. Рязань, 1929. С. 32. № 190.
- 53 *Мыльникова К., Цинциус В.* Указ. раб. С. 60—69; *Гагенгорн Н.* Указ. раб. С. 181; *Зорин Н. В.*

Указ. раб. С. 93—95; *Гилярова Н. Н.* Особенности свадебных традиций населения Пензенской области//Этнографическое обозрение. 1996. № 2.

⁵⁴ РЭМ. ф. 7. Оп. 1. Д. 1432. Л. 2—3 (Егорьевский у.); Д. 1439. Оп. 1. Л. 21 (Зарайский у.); РИАМЗ НА. Д. III — 519. Кн. 12. № 298.

⁵⁵ Архив Русского географического о-ва. (далее — АРГО). Р. 33. Оп. 1. Д. 15. Л. 19 об.

⁵⁶ АРГО. Разряд (далее — Р.). 33. Оп. 1. Д. 19 (Рязанский округ с. Кузьминки); РИАМЗ НА. Д. III — 518. Кн. 11. № 274. Л. 1. (Рязанский у. с. Богослово); *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 44—45.

⁵⁷ *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 234.

⁵⁸ *Самодолова Е. А.* Рязанская свадьба. Исследование местного обрядового фольклора//Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1993. С. 14—16.

⁵⁹ *Мыльникова К., Цинциус В.* Указ. раб. С. 50, 52, 59; *Шереметьева М. Е.* Свадьба на Гамаюнщине. М., 1926. С. 65; *Кальницкая А. М.* Взаимодействие поэзии и взаимодействия поэзии в средне-русской свадьбе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1984. С. 11—12; *Чижикова Л. Н.* Свадебная обрядность... С. 179; *Листова Т. А.* Свадьба на Смоленщине//Свадебные обряды народов России и ближнего зарубежья. М., 1993. С. 18.

⁶⁰ АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 37. Л. 7 (Зарайский у.); РЭМ. ф. 7. Оп. 1. Д. 1432. Л. 2. 1899 г. (Егорьевский у.); РИАМЗ НА. Д. III — 518. Л. 6. 1912 г. (Рязанский у.); *Мансуров А. А.* Указ. раб. Вып. 1. Рязань, 1928. С. 41, № 85 (Пронский у.).

⁶¹ См.: *Гвоздикова Л. С.* К типологии свадебного хлеба//Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1981. Вып. 37. С. 204—214.

⁶² АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 24. Л. 104.

⁶³ *Мансуров А. А.* Указ. раб. Вып. 1. С. 45. № 98.

⁶⁴ *Зорин Н. В.* Указ. раб. С. 211; *Листова Т. А.* Указ. раб. С. 17.

⁶⁵ РИАМЗ. Д. III — 519. Кн. 12. № 285. Л. 12.

⁶⁶ *Гвоздикова Л. С.* Указ. раб. С. 208.

⁶⁷ АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 13 (Зарайский у.); Там же. Д. 37. Л. 7 (Зарайский у.); РИАМЗ НА. Д. III — 517. Кн. 10. № 237. Л. 2. 9 (Скопинский у.); *Мансуров А. А.* Указ. раб. Вып. 2. Рязань, 1928. С. 21. № 36. С. 26. № 44. (Касимовский у.); Там же. Вып. 4. Рязань, 1930. С. 26 № 351 (Касимовский у.).

⁶⁸ АРГО. Р. 38. Оп. 1. Д. 19. Л. 135—142 (Смоленская губ.); *Борисенко В. К.* Весільні звичаї та обряди на Україні. Київ, 1988. С. 47—54. *Чижикова Л. Н.* Свадебная обрядность... С. 180; *Ганцкая О. А., Григорьева Р. А.* Белорусы//Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXVI. М., 1992. С. 100—101.

⁶⁹ *Гура А. В.* Терминология северно-русского свадебного обряда (на общеславянском фоне)//Дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. С. 168.

⁷⁰ *Сумцов Н. Ф.* О свадебных обрядах преимущественно русских. Харьков, 1881. С. 116.

⁷¹ АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 24. Л. 115 (Рязанский у.); Д. 37. Л. 12. (Зарайский у.); РИАМЗ НА. Д. III — 513. Кн. 9. № 140. Л. 2 (Пронский у.); Д. III — 517. Кн. 10. № 237. Л. 9. (Зарайский у.); *Мансуров А. А.* Указ. раб. Вып. 2. Рязань, 1929. С. 32. № 190 (Рязанский у.).

⁷² АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 15. Л. 15—19; Д. 24. Оп. 1. Л. 110—117; РЭМ. Оп. 1. Д. 1432. Л. 4—10; РИАМЗ НА. Д. III — 513. Кн. 9. № 140. Л. 2; Д. III — 518. Кн. 11. № 274. Л. 6; Д. III — 519. Кн. 12. № 285. Л. 12 и др.

⁷³ *Машкин А. С.* Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда//Этнографический сборник. СПб., 1862. Вып. 5. С. 50—70; *Звонков А. П.* Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда//Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1889. Т. 61. С. 44—45; *Гагенторн Н.* Указ. раб. С. 189—191; *Мыльникова К., Цинциус В.* Указ. раб. С. 130.

⁷⁴ Подробнее о структуре восточнославянской свадьбы см.: *Гура А. В.* Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (по материалам Вологодской губ.)//Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978; *Чистов К. В.* Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда//Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 228—229; *Чижикова Л. Н.* Традиции в современной сельской свадьбе русско-украинской этноконтактной зоны//Русские народные традиции и современность. М., 1995. С. 92.

⁷⁵ *Волков Ф.* Этнографические особенности украинского народа//Украинский народ в его прошлом и настоящем. СПб., 1916. С. 657—658.

Ethnocultural history of the Ryazan region

The history and traditional culture of the Russian population of the Ryazan region is observed. The comparative study of ethnographic materials makes it possible to trace very ancient, as well as more late, correlations with some regions of South and Central Russia. These contacts worked for the intensive cultural integration and ethnic consolidation, resulted in forming in the Ryazan region of a unified Russian culture with prevailing of southern and central Russian cultural traits.

L. N. Chizhikova